

Сакура и раньше видела, как плоть пузырится и плавится, словно воск под огнем, но никогда, даже в диких снах, последовавших за ее первой настоящей битвой, она не представляла, что кто-то может просто... снять ее, как поврежденную кожуру с апельсина. Это было странно заораживающе, как и большинство по-настоящему ужасных вещей, и она не смогла бы отвести взгляд, даже если бы так остро не осознавала, что это плохая идея. Сакура с полной уверенностью знала, что еще долгие годы будет вспоминать эту сцену в кошмарах.

Все началось с ветра.

Она уже начала подозревать, что в ее жизни наступит момент, когда она не будет доверять ни одному ветерку, достаточно сильному, чтобы поднять облако пыли или вихрь листьев, без веских доказательств того, что пострадал весь лес, но так как это было локальное явление, достаточно сильное, чтобы снести с тропы траву и мелкие камни, она была абсолютно уверена, что это было сделано специально.

При первом же сильном порыве она тут же укрылась. Сасукэ-кун, растянувшийся на животе под прикрытием кустарника, не успел оглянуться, как в него полетели камни размером с рё, и она отступила за корень одного из деревьев-гигантов, населявших весь лес. До того как им разрешили войти в Лес Смерти, она считала, что здесь находятся горы, покрытые лесом. Она и понятия не имела, что вздымающиеся на горизонте горы - это не грязь и камень, а деревья, на ветвях которых можно было бы провести тренировку Академии.

Поэтому она укрылась не столько за корнями, сколько за толстой деревянной стеной, пусть и поросшей мхом. Лишь услышав, что ветер утих, она приподнялась и заглянула в укрытие, стараясь держаться поближе к дереву, чтобы не выдать себя. Там, где они стояли всего несколько мгновений назад, словно лезвие прочертило дорожку по центру поляны, и она была вдвойне рада тому, что огромное дерево, покрытое мхом, обеспечило ей защиту и обзор.

Но даже с высоты своего роста она не могла разглядеть Наруто. Она не думала, что ветер был настолько сильным, но лес был очень густым, и поэтому ориентироваться в нем было так сложно. Возможно, он находился где-то рядом, просто ему мешал обзор. В любом случае она научилась уважать его стойкость. Ему везло, и она должна была верить, что это означает, что он не был серьезно ранен.

Сакура на мгновение подумала, что ее уверенность подтвердилась, когда Наруто вынырнул из оседающей пыли, но осталась на месте. В Академии их учили хенге не только потому, что это полезное дзюцу, но и потому, что его очень трудно обнаружить даже высокоуровневым ниндзя. И в этом хаосе она совсем потеряла след Наруто. Она подумала, что это был Наруто, но ей также показалось подозрительным, что кто-то стал бы тратить чакру на столь впечатляющее ниндзюцу, не попытавшись убрать с поля боя хотя бы одного из них. Испытание для чуунина или нет, но ни у кого в этом Лесу не должно быть столько чакры, чтобы использовать ее так легкомысленно.

Возможно, это просто идиот, выпендривающийся, но она подумала, что нет никакого вреда в том, чтобы позволить Сасуке-куну противостоять Наруто. Если бы она считала, что сможет незаметно обойти его сзади, то, возможно, и попыталась бы, но она была не слишком уверена в

своих силах.

В немалой степени это было связано с некоторыми нинкенами, которые либо собирались устроить ей комплекс, либо сделать из нее величайшего ниндзя, который провел свое детство, будучи буквально затравленным.

Поэтому Сакура осталась стоять на месте, напрягая мышцы, пока Сасукэ бросал вызов.

И она была удивлена тем, как быстро Сасукэ-кун определил, что Наруто притворяется, и метнул в него кунай. Ее удивило то, как он увернулся, а не то, что он знал пароль.

Фраза была недлинной и почти рифмованной, а в Академии они долго оттачивали память, по крайней мере, куноичи, и Наруто решил, что наконец-то достаточно поднапрягся, чтобы запомнить ее всерьез. Но как он мог рассчитывать на то, что сможет получать и передавать настолько конфиденциальные сообщения, что их невозможно записать иначе? Или даже запоминать сложные направления, не обращаясь к уличающей карте? Она даже подумала, что это хоть немного компенсировало бы то, как он справился с первой частью на одной лишь браваре.

Судя по всему, Сасукэ не разделял ее мнения. И это было хорошо.

"А ты умница", - проворчал не-Наруто. "Почему бы тебе не попросить свою подругу выйти оттуда, где она затаилась? Интересно, обвинишь ли ты ее в том же? Тебе не хватает тупиц, или это просто особый случай?"

"Выходи, Сакура", - скомандовал Сасукэ-кун.

Сакура сделала то, что ей было велено, придвинулась поближе к Сасукэ, который, не глядя на нее, потребовал от нее пароль. И она, конечно же, без труда произнесла его.

"И это не подозрительно?" - спросил незнакомец с лицом Наруто.

"Нет. Было бы подозрительно, если бы Сакура не могла вспомнить пароль слово в слово. А Наруто - слишком большой идиот, чтобы справиться с этим", - ответил Сасукэ-кун, не скрывая своего презрения как к незнакомцу, так и к товарищу по команде. "В его случае это был не столько пароль, сколько ловушка для тех, кто мог подслушивать. И ты в нее угодил".

Сакура хотела было позволить этому предматчевому злорадству убаюкать ее, чтобы она почувствовала то же чувство борьбы за очки, которым она наслаждалась в Академии, но промозглая, тяжелая атмосфера леса и неприкрытая агрессия иностранного шиноби, с которым они делили комнату ожидания, держали ее в напряжении. Как и мысль о том, что все они зарегистрировались в командах по три человека, одного из них не хватает, и они понятия не имеют, где находятся товарищи незнакомца. Сакура не хотела оказаться жертвой перевеса,

независимо от того, играл ли незнакомец на очки или на кровь. Все ее битвы до сих пор были выиграны, потому что ей удавалось встретиться с каждым противником один на один. В тот раз, когда она попыталась добиться большего, на палубе яхты Гато, ее чуть не убили.

Поэтому она предоставила Сасукэ-куну вести разговор.

"Я впечатлен. Ты совсем не потерял бдительности, верно?" - сказал незнакомец, и образ Наруто дрогнул и померк.

Сакуру поразило, насколько уродливой была женщина, заменившая его. Ее кожа была бледной, под глазами темнели синяки, а губы были настолько тонкими, что их практически не было. И она не пыталась исправить все это с помощью косметики. Но еще хуже было то, что она носила. Сакура и предположить не могла, что на свете есть женщина, которая подчеркивает и без того несуществующую талию толстой веревкой, завязанной в странный бант. В сочетании с унылой, нелестной одеждой, если бы не женский стиль речи, Сакура бы раньше догадалась, что это мужчина, чем женщина. Да еще и немодная.

Гражданские женщины могли делать все, что им заблагорассудится, в отношении своей внешности, но куноичи еще до полового созревания обучали тому, как льстить и подчеркивать свои достоинства. Она была почти уверена, что мальчики не имеют аналогов. Она не могла представить себе Сасукэ-куна, сидящего на лекциях и практических занятиях по постановке - почти как в пьесе, с реквизитом, костюмами, репликами, маркерами, отличающими покорную домохозяйку от шлюхи и всего, что между ними, - мужественности, как и женственности.

Хотя нигде не было закона, запрещающего мужчине использовать женскую речь.

А мужчина или женщина - неважно. Кунаи убивали, независимо от того, в каких руках они находились.

Незнакомец говорил, пока она размышляла над неуместным вопросом пола, и она прислушивалась к словам, хотя и не сосредотачивалась на них. "Это обещает быть очень забавным". Вытащив из мешочка свой свиток, Куса-нин сделала так, чтобы они хорошо рассмотрели персонажа-компаньона их собственного свитка Небес. "Вы бы с удовольствием завладели нашим свитком Земли, не так ли?" - поддразнила она, а затем сделала то, от чего Сакура чуть не захлебнулась. Она проглотила его целиком.

С отвращением Сакура добавила в список умений шиноби хотя бы мелкие манипуляции с телом.

Как ни странно, Сакура хотела, чтобы они перестали затягивать с этим. Это не было похоже на ситуацию с Суна-нином. Не было никаких извинений, и каждый шел своей дорогой. Это просто выматывало нервы, заставляя ее нервничать так сильно, что это не только оттачивало ее рефлексy, но и делало ее неуклюжей. Когда-то, помнится, она была хороша в такого рода психологических войнах. Не так хорошо, как Ино, но, впрочем, никто и не умел. Теперь это было тусклое, далекое воспоминание.

Но у нее не хватало смелости первой нанести удар, и она молчала, желая последовать примеру Сасуке-куна. И, судя по его выражению лица, ему почти так же не терпелось начать битву, как и ей, хотя причины у них, вероятно, были совершенно разные.

В этот момент все пошло наперекосяк.

Ей показалось, что она вспомнила об убийственном намерении. Она думала, что в Забузе все так плохо, как только может быть.

Она ошибалась.

Сакура уловила лишь краешек убийственного намерения Забузы. Все те разы, когда Какаши-сенсей вбивал страх в ее разум, это был укол иглой, а это - клин, вбитый кувалдой. Он разорвал её, как трухлявый пенёк, обнажил все её слабости, неуверенность и разорвал на части ярким, проникновенным видением собственной смерти. Казалось, весь мир окрасился в багровые оттенки боли.

Она и не заметила, как рухнула на колени, но тут же обнаружила, что лежит на них, неистово содрогаясь. Это было похоже на самые ранние кошмары, когда страх был настолько велик, что превращался в паралич. Она не могла пошевелиться, не могла закричать. Только сидеть и дрожать, дышать учащенно и задыхаться, что приводит к обмороку.

<http://tl.rulate.ru/book/100569/3440631>